

Новый курс. Возрождение государственного регулирования обогащает богатых и разоряет бедных

Прошло два месяца после выборов 12 декабря. Время достаточное, чтобы и политики, и общество успели осмыслить новую ситуацию, сделать свои выводы. Сказанное ниже выражает мою личную точку зрения, хотя к этим выводам я пришел во многом в результате консультации с коллегами по "Выбору России".

Реформы окончены. Забудьте.

Первая мысль, которая постоянно повторяется всеми, анализирующими ситуацию, — закончен "героический период" российской реформы, начатый в конце 1991 года. "Выборы красноречиво (дальше некуда) подтвердили исчерпанность курса радикального реформизма". С этим как будто согласны все: и сторонники, и противники "Выбора России", и оппозиция, и правительство, и жители России, и иностранные наблюдатели.

Спорить не приходится — политическое отступление налицо. Неудача на выборах, уход из правительства. Все это факты бесспорные.

Что же, в этом не было бы ничего скверного. Вполне нормальны и перемены политического и экономического курса и соответствующие персональные замены. Глупее всего занимать позицию непримиримого доктринера, у которого осталась лишь одна фраза: "Не могу поступиться принципами". "Ничего не забыли и ничего не поняли" — очень надеюсь, что это не наша позиция.

Смена курса оправданна в двух случаях. Когда поставленные задачи выполнены, ситуация в стране улучшилась и стабилизировалась настолько, что курс исчерпан, можно переходить к новой тактике для решения новых задач. В этом случае избиратели часто "благодарят" победившее "жесткое" руководство, проваливая его на выборах. Пожалуй, самый яркий пример такого рода — поражение У. Черчилля на выборах после победоносного завершения войны в Европе. Самый свежий — поражение правительства Х. Сухоцкой в Польше после того, как восстановление здесь экономического роста стало очевидной реальностью.

Противоположный случай — курс меняют ввиду его очевидного провала, когда ситуация в стране ухудшилась, дестабилизировалась, стала неуправляемой настолько, что необходимо срочно менять тактику, чтобы не получить национальную катастрофу. Здесь

можно вспомнить конец 1991 года, когда пришлось срочно менять правительство И. Силаева.

В обоих случаях проводившийся курс исчерпал себя, пришел к логическому завершению — или победе, или поражению.

У нас ситуация существенно иная. Задачи, поставленные в конце 1991 года, решены, но лишь частично — сделаны только первые шаги. Да, появились товары в магазинах, хотя и цены, и выбор оставляют желать лучшего. Удалось удержаться на краю гиперинфляции, но лихорадка инфляции продолжает "трепать" нашу экономику. Изменилась ситуация в области внешней торговли, экспорт значительно превысил импорт, но структура и того, и другого нас глубоко не удовлетворяет. Увеличились валютные резервы — казна была практически пуста, а к концу 1993 года валютные резервы страны составили свыше 4,5 млрд долларов, — но для такой страны, как наша, этого явно недостаточно. Прделана громадная работа по приватизации, но избранный вариант не является самым экономически разумным, мы вынуждены были на него пойти под давлением Верховного Совета, и в ближайшее время здесь возможны значительные потрясения. Перебирать можно долго, но общий баланс ясен: сделано полшага. Из абсолютного тупика ноября 1991 года выйти удалось, не свалившись ни в экономический коллапс, ни в гражданскую войну, ни в диктатуру. В этом смысле стратегия и тактика реформ показали свою эффективность, экономика избежала летального исхода, более чем возможного в 1991 году. Но не удалось создать серьезный задел для решения главной задачи — структурной перестройки всей экономики, массивных инвестиций, обновления технической базы, роста производства, возникновения здорового среднего класса. Реформы не исчерпали себя, их просто прервали.

Может быть, однако, найден более эффективный курс? Этого не утверждают, кажется, даже его адепты. Беда в том, что пока никакой курс взамен вообще не предложен. Единственное теоретическое новшество, пожалуй, заключается в демонстративном отказе вообще от "теоретических мудрствований", в установке на "практику", практический опыт. Сама идея "команды", объединенной экономической идеологией, отброшена. Г. Явлинский назвал новое правительство "типично советским". С фактической стороны это утверждение не вполне верно — например, как раз первое "советское" правительство 1917 года было единой командой, объединенной жесткой идеологией (другое дело — какой именно идеологией). Однако пафос Явлинского ясен, и, если не вдаваться в исторические детали, с ним можно согласиться. Нет правительства единой идеи, единой логики. Есть собрание руководителей разных ведомств, озабоченных судьбой своих ведомств. Если же нет центральной экономической идеи, то очень трудно,

почти психологически невозможно противостоять идущим отовсюду лоббистским требованиям, требованиям субсидий, льготных кредитов и т.д. Министр, внутренне считающий, "что хорошо для моей отрасли, то хорошо и для России", и знающий, что его отрасли сегодня нужны деньги, просто не может постоянно насиловать себя, проводя—во имя каких-то там абстракций! — антиинфляционистскую политику. Так и работает практик, "хорошо знающий производство", — пытается ежедневно удерживать производство на плаву.

Однако отсутствие ясно отрефлексированной идеологии вовсе не значит, что нет вообще никакой идеологии. Идеология есть. Эта идеология банальна: "пусть идет, как идет". Идеология мелких колебаний. Теоретически не плохая в определенных ситуациях (например, в условиях роста производства, финансовой стабильности), в переживаемых нами экстремальных обстоятельствах она опасна для страны. Реально "пусть идет, как идет" оборачивается "пусть валится, как валится". Сиюминутное спасение производства путем бумажных инвестиций есть помощь конкретным руководителям отрасли ценой ограбления России. Нет и не будет при экстремально высокой инфляции настоящих, в твердой валюте инвестиций. Нет и не будет при инфляции структурной перестройки экономики. Нет и не будет при инфляции технологического перевооружения промышленности. Нет и не будет при инфляции среднего класса — он размывается в точном соответствии с обесценением рубля. Иначе говоря, в ситуации инфляции невозможно решение тех главных, фундаментальных задач, от которых наше общество прячет голову в песок, как страус, вот уже более 20 лет.

Вызов времени

Перестройка 1985 года возникла не как результат чьей-то прихоти. Отставание от передовых стран — технологическое, структурное, экономическое — накапливалось в течение десятилетий и приобрело к тому моменту угрожающий характер. СССР был на краю современной цивилизации, был абсолютно не готов войти в цивилизацию XXI века. С тех пор прошло 9 лет — и ни одна задача из числа технико-экономических задач, которые и вызвали перестройку, по-прежнему не решена. XXI век подошел вплотную, а мы стали еще дальше от него. О проблемах технологического, экономического отставания от Запада даже и упоминать перестали, все думают лишь о том, как выжить в обозримые три-четыре месяца. Но ведь если о проблеме молчат, она от этого не исчезла, она лишь усугубилась.

Глобальная проблема России — ответить на вызов времени, войти в число современных в технологическом, экономическом, социальном смысле держав. Это действительно историческая проблема, которую пытались решать все реформаторы,

великие и малые, кровавые и мирные — Петр и Ленин, Александр II и Столыпин, Сперанский и Витте, Сталин и Горбачев. Бег России к мировой цивилизации напоминает погоню Ахиллеса за черепахой — огромными сверх усилиями удавалось "догнать и перегнать", особенно в военной технологии. А затем мир "незаметно", но непрерывно уходил вперед, и опять после позорных и мучительных поражений страна "группировалась к прыжку" и совершала новый рывок — и все повторялось... Трагический, "рваный, квантованный" цикл русской истории, истории рывков и стагнации. Только считанные годы были для органического развития экономики (конец XIX — начало XX века), но результаты оказались замечательными. Промышленность, хотя и не до конца освобожденная, но все же максимально свободная, за всю историю страны начала быстро сокращать технологическое отставание от Запада. Я убежден: несмотря на последующие трагические десятилетия, потенциал "русского чуда" сохранился и сегодня, надо только дать ему нормальные стартовые условия.

Беда русских реформ была в том, что, столкнувшись с очередной необходимостью немедленно ответить на вызов времени, лидеры страны шли, казалось бы, единственно возможным путем: напрягали мускулы государства. Через сверхусилия государства стремились быстро вытянуть страну. От Петра Великого до Сталина-Берии мы имели возможность экспериментально проверить правильность такой "самоочевидной" тактики.

Идеологию такой реформы выразил в своем пророческом произведении, квинтэссенции русской истории, А.С. Пушкин:

О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Пушкина восхищала и ужасала грозная сила этой "сверхдержавной реформы". Но опыт показал: за рывком неизбежна стагнация и (или) обвал. Страна не может долго стоять "на дыбах". Сверхусилия государства даются дорогой ценой — ценой истощения общества. Решая проблемы модернизации. Российская (а затем советская) империя только с одной стороны боролась с внешним миром. С другой стороны имперское государство боролось со своим обществом. Каждый раз в экстремальной ситуации государство насилует общество, обкладывает его разорительной данью. В результате задача военно-технической модернизации решалась на время, но зажатое общество не могло устойчиво экономически развиваться, не было социальной структуры, внутри которой человек

чувствовал бы себя комфортно, мог бы реализоваться. "Узда железная" быстро ржавела и становилась цепью, впившейся в живое мясо страны. В длинные периоды стагнации общество тихонько старалось стащить с себя эту цепь, вылезти из-под непомерной тяжести государства. Классический образец — брежневский период, эта постсталинская стагнация, когда все живые силы страны существовали, противостоя государству, — будь то диссиденты, андеграунд в искусстве или теневая экономика. Но пока шла эта "холодная война" между обществом и государством, страна в целом опять отставала от свободно дышащего мира, опять переживала неизбежную стагнацию. И значит, вновь ставилась перед необходимостью новой модернизации, нового прыжка...

Идеология реформы, которую мы начали в 1991 году, была совершенно противоположной. Поднять страну не за счет напряжения всей мускулатуры государства, а как раз наоборот — благодаря расслаблению государственной узды, свертыванию государственных структур. Отход государства должен освободить пространство для органического развития экономики. Государство не высасывает силы из общества, а отдает ему часть своих сил.

Это была очень рискованная попытка. Если бы она сорвалась, то альтернатива была очевидна — военное положение, а возможно, и череда военных переворотов по принципу падающего домино. Но это была не какая-то безумная храбрость за счет общества. Мы исходили из фундаментальных законов экономического поведения человека разумного. И оказалось, что эти законы работают в России, при всей нашей специфике, как работают и в Аргентине, Корее, Чехии и Словакии или Австралии. Освобождение цен наполняет магазины продуктами, финансовая дисциплина меняет экономическое поведение — производители начинают гоняться не за бартером, а за деньгами. Повышается общая трудовая активность населения и т.д.

Тогда, в те первые месяцы 1992 года, был сделан серьезный шаг. Но особенно важно, что это был "методологически новый" рывок в русской истории: не государство опять пришпорило народ, а государство отпустило вожжи, и действительно "невидимая рука рынка" потянула телегу из грязи.

Надо было сделать следующий шаг: на основе стабилизации финансов начать структурную перестройку во всем объеме. Необходимо было привлечение массивных инвестиций, которые одни могут обновить всю нашу дряхлеющую технологическую базу. Нужны тут и мобилизация внутренних ресурсов, и иностранные инвестиции. То есть первый прорыв был сделан, теперь должны были втянуться в него главные силы.

Как известно, этого не произошло. Уже через несколько месяцев наша политика начала буксовать. Под давлением лоббистских групп, в частности в бывшем ВС, твердая

линия бюджетной и денежной политики была сломана. Все силы мы тратили на то, чтобы противостоять давлению с требованием тех или иных финансовых льгот. В результате рост цен удавалось удерживать "на цепи", но добиться настоящего прекращения инфляции (до 2-3 процентов в месяц) нам не удалось.

Разбухание денежной массы (за 1992 г. — в 7,4 раза, за 1993 г. — в 4,8 раза) не помогло производству. Оно обеспечило замедление, а в 1993 году — фактическую стагнацию реформ. Огромные деньги были заработаны коммерческими банками, через которые проходили льготные кредиты. Но эти деньги, нажитые на инфляции, естественно, никто и не думает в условиях инфляции инвестировать в российскую промышленность. В стране — тяжелейший кризис, а зарубежные вклады российских граждан и компаний за последние два года уже измеряются десятками миллиардов долларов и быстро возрастают. Вот куда, в конечном счете, после "переработки и обогащения" и впадают инфляционные реки Центробанка — в зарубежные коммерческие банки. Вот реальный экономический подтекст того, что часто именуется поддержкой производства, спасением сельского хозяйства, "социальной ориентацией реформ". Несомненно, инфляция социально ориентирована, и столь же очевидно, на какие именно социальные группы.

Инфляция — самая выгодная коммерческая операция нашего времени. Она необходима паразитической буржуазии, плотно сращенной с коррумпированной чиновничьей и политической элитой. Прикрывается же это расхищение национального богатства, естественно, национальной и социальной демагогией, изготовленной по старому рецепту "чем невероятнее ложь, тем больше веры в нее". Неимущим внушают, что жесткая финансовая дисциплина направлена против них, а инфляция им помогает. Это очень похоже на объяснения наркоману, что ему исключительно ради его пользы дают очередной раз уколиться.

Итак, в 1992-1993 годах российское руководство (с себя я, естественно, ответственности не снимаю) не смогло удержаться на изначально занятой позиции. Слишком многое сплелось: корыстные интересы разных слоев элиты, почти автоматическое сопротивление государственного аппарата, не желавшего терять свои полномочия, политическая демагогия "непримиримой оппозиции", борьба за власть между президентом и ВС, недоверие серьезного западного бизнеса, боявшегося вкладывать значительные суммы в нашу экономику. Все это вместе остановило реформу после первого же шага и заставило буксовать, а затем, постепенно, начался и откат назад. Разумеется, речь не шла и не идет ни о каком возврате к социализму — строю, слишком невыгодному для новейшей коммерческо-политической элиты. Реально им нужен лишь такой темп инфляции, такое медленное кружение экономики на месте, которое позволяет,

не доводя дело до коллапса и взрыва, извлекать максимальные прибыли, максимально эффективно "приватизировать" государственные средства.

Сейчас, после реформирования правительства, "новый курс" получает легитимность. Монетаристские упрямы ушли, инфляции открыта широкая дорога. Усилятся обе ветви власти — и бюрократия, быстро приобретающая свои "классические" формы, и связанная с ней часть предпринимателей.

У сегодняшних "государственников" особая идеология. Идеология циничного бюрократического декаданса. Они не ставят перед собой глобальных государственных задач, которыми некогда вдохновлялась российско-советская бюрократия, — задач геополитических, военно-технических, даже полицейских (я уже не говорю всерьез о декларируемых "социальных приоритетах"). Задачи стоят иного, сугубо частного характера. Усиление роли государства ради возможности быстрого обогащения за счет государства. Это и всегда было — но как вспомогательная цель. Сегодня она становится основной. В государстве новейшие практики-государственники видят не Медного всадника, а огромную дойную корову. Я далек от каких-либо персональных намеков, более того — уверен в личной честности многих, особенно из числа высших руководителей. Но большой государственной идеи нет — ни реалистичной, ни даже утопичной. Латание дыр, коррекция курса реформ в интересах бюрократии — не более того. Чем же в этой ситуации может вдохновляться огромная масса бюрократии? Нет крупных целей, дисциплина ослаблена, ситуация нестабильна, возможности обогащения грандиозны. Естественно, что именно по этой логике идут и будут идти широкие бюрократические массы. И это проблема не криминальная, а социальная, глобально-политическая, если хотите — историческая. Коррупция становится не побочным продуктом, а детерминантой (по меньшей мере — одной из детерминант) политического процесса.

Иногда этот процесс называют "первоначальным накоплением". Оно всегда и везде было грязным, грабительским, через этот этап надо пройти и т.д. Здесь есть некая логика. Беда лишь в том, что в норме первоначальное накопление шло на развитие своей страны, а не сводилось к перекачиванию триллионов и десятков триллионов рублей в западные банки. Та форма "накопления в Швейцарии", которую мы имеем, напоминает только колониальный, полуколониальный, компрдорский режим. Нет, не расой, не национальностью, не языком предпринимателя определяется то, какой капитал он представляет — "национальный" или "компрдорский". Главный критерий иной: инвестирует ли он средства в стране, тем самым действительно обогащая ее, делая "первоначальное накопление" национальным накоплением страны, или же спешит

вывезти деньги из страны, рассматривая страну лишь как средство, как источник своего обогащения.

Развитие такого капитала для страны — дорога в никуда.

В нашей стране сегодня представлен и "национальный", и "компрадорский" капитал. Их соотношение определяется в конечном счете не субъективными, культурными, этическими и т.д. факторами, а объективными законами. В условиях нестабильности, инфляции, экономического диктата государства (и, следовательно, коррупции) доминировать будет "хищнический", "компрадорский" капитал, реально использующий страну как колонию под прикрытием ультранационалистических лозунгов. В ситуации политической и финансовой стабильности, уменьшения роли государства открываются более выгодные условия для созидательного, "национального" капитала.

Так выстраиваются два "новых курса".

Стратегия отсутствия стратегии. Формальное сохранение статус-кво, топтание на месте, инфляция и обогащение коррумпированной элиты при абсолютном господстве бюрократии. Политически — опора на громкий социально-националистический популизм, вплоть до использования заведомых шарлатанов и авантюристов. Перспектива в самом мирном случае — полуколониальная Россия, впрочем, при вполне русских правителях и предпринимателях. Страна полуколониальная в экономическом, социальном, культурном аспекте, но с глобальными военно-имперскими амбициями.

Чтобы понять, как это выглядит на практике, послушаем не члена "ДемРоссии", не сторонника "Выбора России", а вчерашнего кумира наших националистов, боевого генерала и честного человека Александра Лебеда. Вот как он описывает ситуацию в Приднестровской республике, республике, которой так сильно восхищаются "русские националисты" от газеты "День" до Жириновского. "В здешних магазинах пусто, на продовольственных рынках — астрономические цены, нет лекарств, учителя разбегаются. Полный развал и хаос. Я называю правительство ПМР преступным... Получив кредиты, эти ребята, радостно взвизгивая, затыкают несколько дыр в бюджете, а половину денег рассовывают по карманам".

Представьте себе это не в масштабах крохотной ПМР, а в масштабе России — и вы получаете картину России, под властью правительства "национального спасения".

Стратегия ответа на вызов времени: радикальное изменение финансовой ситуации. Максимально возможное уменьшение государственного командования экономикой, хотя надо ясно понимать, что в наших реальных условиях роль государства в экономике все равно будет выше, чем в Японии или Корее, которым нас призывают подражать. Как следствие — начало настоящих инвестиций, внутренних и внешних. Если "патриоты"

считают нормальным, когда десятки миллиардов долларов уходят из страны в западные банки, то мы считаем нормальным иное — когда десятки миллиардов долларов идут с Запада в нашу экономику. Это означает единственную возможность мирно преодолеть кризис российской цивилизации, обеспечить не просто экономический, технологический, социальный подъем, но создать иное качество российской цивилизации, войти в число передовых стран XXI века.

Обильные государственные расходы, запретительно высокие, но все равно не поспевающие за ними налоги, дорогое коррумпированное государство, бремя содержания которого парализует инициативу общества, его способности к саморазвитию, или последовательный отказ от бюрократических излишеств, освобождение простора частной инициативы и предпринимательства, сокращение неэффективных государственных расходов и опирающееся на него снижение реального налогового бремени — вот суть выбора, перед которым сегодня оказалась Россия.

Наша вина. Наша надежда

Исходя из этих соображений, я и вижу нашу политическую стратегию. Мы обязаны возобновить реформы — даже не с того места, где они остановились сегодня, а с того, где они начали буксовать в середине 1992 года. Это не упрямство — просто, увы, нет альтернативы. Надо добиться тех целей, ради которых реформы затевались, — целей и необходимых, и достижимых.

Однако было бы, действительно, верхом догматического доктринерства этим и ограничиться. Реформы забуксовали в силу абсолютно серьезных объективных причин. Если мы не извлечем урока из всей долгой истории 1992-1993 годов (за которую в "мирных" условиях можно отдать добрых 10 лет), то мы опровергнем поговорку, что за битого двух небитых дают.

Уступки мощному напору отраслевых лоббистов привели к тому, что бремя экономических преобразований в значительной мере оказалось переложенным на те группы населения, которые являются естественной социальной опорой реформаторов. Когда бюджетные деньги в крупных масштабах тратятся на поддержку неэффективных предприятий, их всегда не хватает на нужды образования, здравоохранения, науки, культуры — тех сфер, где занята основная масса среднего класса современного общества.

Бюрократическая расточительность прокладывает дорогу высоким налогам, стягивающим удавку на шее мелких и средних предпринимателей.

Возник замкнутый, порочный социально-политический круг. Отсутствие сильного, политически организованного, поддерживающего снизу правительство реформ (и давящего на это правительство!) среднего класса понижало сопротивляемость правительства к требованиям бюрократических лоббистов. А уступки их требованиям, в свою очередь, били по среднему классу, размывали его, отчуждали его от правительства.

Разорвать этот круг мы не смогли.

Еще одна проблема, справедливо пугающая и возмущающая наших потенциальных сторонников, — преступность. Рэкет, внеэкономическое принуждение, стал чуть ли не главным экономическим рычагом в нашем больном социуме. Я надеюсь, что наша фракция "Выбор России" будет самым жестким, самым последовательным образом добиваться расширения прав граждан на индивидуальную и коллективную самооборону от преступников, ужесточения наказаний за насильственные преступления, за участие в организованной преступности. Когда страна находится в таком положении, гуманизм к преступникам за счет их жертв по крайней мере неуместен. Я имею в виду, в частности, и указ об амнистии. Общество воспримет такой указ как вызов — и будет право.

Но если преступность пугает, то беспредел коррупции глубоко оскорбляет. Главные причины провала демократической власти, убежден, связаны не с тем, что люди стали жить намного хуже (или демагоги сумели им внушить, что страна "катится в пропасть"), а с глубоким разочарованием избирателя в "демократии воров".

Здесь смешиваются несколько обстоятельств. Несомненно, часть демократических чиновников и депутатов с жадностью бедняков "дорвалась" до кормушки — и гнев тех, кто их избрал, вполне оправдан.

Однако в целом удельный вес "новых людей" среди руководящих чиновников, среди тех, кто просто мог брать взятки, совсем не так велик. Номенклатура, особенно на местах, в огромной мере осталась прежней — зато вот сделать себе громоотвод из "демократов" сумела превосходно. "Линкольны" и "мерседесы", обдающие грязью нормального российского пешехода, как правило, не принадлежат представителям демократической власти, но ассоциируются именно с ними.

Что реально здесь можно изменить?

Да, именно наша фракция подняла в Думе вопрос об излишних материальных возможностях, предоставляемых депутатам. И именно "друзья народа" из фракций коммунистов и жириновцев дружно проголосовали за депутатские привилегии. Но это, в сущности, незначительный эпизод. Не борьба с привилегиями, тем более не малоаппетитные популистские крики на эту тему нужны. Нужно главное — разрушение объективной основы коррупции, монопольной власти государства над собственностью.

Сегодня в России острый дефицит политических идей. В 1987-1991 годах на рынок было выброшено все, что создано человечеством, — от "Дороги к рабству" фон Хайека до "Майн кампф", от "протоколов сионистских мудрецов" до "1984". Все слова сказаны. Жизнь для многих стала хуже. И наступило великое разочарование.

Когда говорят про выборы 12 декабря, обычно сосредоточиваются на трагикомической фигурке "победителя". Для меня куда важнее другое — почти 50 процентов вообще не пришли голосовать. Не пришли на первые истинно свободные выборы. И сам успех "героя нашего безвременья" — это ведь тоже не знак доверия к его бредовым речам, а прежде всего — глубокого разочарования. Разочарования в тех, кто считается серьезными, ответственными политиками.

Отсюда суетливые попытки соревноваться в раздаче пустопорожних обещаний, а то и в агрессивной националистической риторике. Жириновские второй свежести с демократическим прошлым шансов на успех не имеют, хотя и могут подсобить оригиналу.

Убежден, у тех, кто действительно готов бороться за достойное будущее России, есть лишь одно оружие — оружие правды и здравого смысла. От неумелого, неловкого использования в последнее время оно сильно притупилось. Но другого все равно не будет.

Да, волшебного слова не существует. Но если искать слово, в котором полнее всего выражаются надежды и желания общества, большинства жителей России, то я бы назвал слово "стабильность". Люди устали от изматывающего, как температура при гриппе, роста цен. Люди устали от бесконечных политических шатаний, устали бояться — гражданской войны, переворота, фашизма. Люди устали от страха перед преступниками. И как спасения от всего этого измученное общество ждет, наконец, стабильности.

Но стабильность не имеет ничего общего с фиксацией статус-кво, с консервацией существующего положения вещей. Такая консервация означает нечто прямо противоположное — сохранение нестабильности, вечного броуновского движения бюрократии. Мелкого движения мелких бюрократов, которое, перейдя за какую-то критическую отметку, вызовет глобальный обвал в России. Стабильность — это вовсе не пассивное принятие того, что есть. В лозунге "К стабильности!" заключен мощный волевой импульс, заряд политической воли. Надо приложить много сил и терпения, чтобы выйти на плато стабильности, но зато есть понятная и необходимая цель. Стабильность — лозунг политического действия, партия стабильности — партия стратегического движения, а не мелких интриг и демагогии.

Прежде всего необходимы финансовая стабильность, прекращение инфляции, роста цен. Об этом уже много сказано выше. Такая стабильность не просто приносит

резкое психологическое облегчение человеку, делает его жизнь предсказуемой, дает возможность строить долговременные планы и т.д. — она является ключевой для всей вообще стабильности в стране.

Из этого следует начало экономического оживления — первые инвестиции в производство. Начало экономической стабилизации, в свою очередь, создает предпосылки для политической стабильности. Если убиты вирусы инфляции, если началось оживление экономики, начинают лопаться воздушные шары шовинизма, социальной и национальной ненависти, имперского тщеславия.

Политическая стабилизация — это уже мощный импульс для настоящих инвестиций в производстве, инвестиций по масштабу России, измеряемых десятками миллиардов долларов. Так к финансовой стабильности добавляется и главное — экономическая стабильность, стабильный рост производства.

Политическая стабильность включает в себя и геополитическую. Мы должны знать, наконец, в какой стране мы живем, с ее твердыми границами. Наша страна — не "осколок империи", не временное образование, мы не мечтаем вновь объединить — за свой счет — все республики бывшего Союза. Наша страна — великая Российская республика, в ее нынешних нерушимых границах. Страна, как и любая нормальная, живущая не химерами и имперскими галлюцинациями, а своими интересами, живущая ради себя, не собирающаяся никого присоединять, покорять и уж меньше всего помышляющая о "последних бросках" головой вниз на юг.

И самое главное, наша конечная цель — социальная стабильность. Да, общество должно быть открытым, обществом действительно "равных возможностей". Людям должны быть созданы условия для занятий бизнесом и т.д. Но 90 процентов людей ни в какой стране не собираются ни менять профессию, ни тем более идти в торговлю, бизнес и т.д. Нормальное, стабильное общество — то, где человеку предоставляется возможность нормально, достойно, без нищеты, унижения и страха жить, занимаясь своей профессией всю жизнь, — будь то маляр, инженер, врач или помощник режиссера.

Для работы по созданию такого общества, общества стабильности, нужна прежде всего политическая воля. Мобилизовать эту волю россиян сегодня абсолютно необходимо.